

БОГОСЛОВІЕ ОРФИКОВЪ.

(Окончаніе).

Орфізмъ возвысилъ образъ божества, но нельзя сказать, чтобы онъ возвысилъ человѣка. Онъ указалъ человѣку высокій идеалъ и утвердилъ, что возможно достиженіе этого идеала, но въ настоящемъ состояніи человѣкъ съ орфической точки зрѣнія ненормаленъ, нечистъ, грѣховенъ. Человѣкъ несетъ на себѣ тяжесть грѣха первороднаго, грѣховъ наслѣдственныхъ и личвыхъ. Еще Пиндаръ уже говорилъ, что душа нѣкогда жившая на небѣ была изгнана оттуда за нѣкоторый грѣхъ, *παλιὸν πένθος*. Ямвлихъ говоритъ, что къ этому плачевному состоянію, т. е. къ жизни на землѣ, душу привели *μεγάλα ἀμαρτήματα*. Въ чемъ заключался этотъ первородный грѣхъ, неизвѣстно. Но миѣ о происхожденіи людей изъ пепла титановъ пораженныхъ молніей Зевса во всякомъ случаѣ выясняетъ, что люди грѣховны. Титаны—противники Зевса. Титаническое, бунтующее, протестующее начало имѣется въ людяхъ. Но съ другой стороны люди произошли отъ титановъ, съѣвшихъ Діониса Загрея. Въ нихъ есть начало діонисіевское, божественное, тяготѣющее, къ Зевсу. Человѣкъ оказывается двойственнымъ. Ему должно или заглушить въ себѣ діонисіево начало или препоѣдить чувственныя, земныя, титаническія влеченія. Поскольку человѣкъ находится во власти этихъ влеченій, постольку имъ владѣетъ первородный грѣхъ. Далѣе у человѣка могутъ быть грѣхи наслѣдственные. Теорія родового грѣха есть теорія общераспространенная. Родъ отвѣчаетъ за своего предка и несетъ отвѣтственность за совершенныя имъ преступленія. Иллюстраціей къ такому взгляду

можетъ служить судьба рода Эдипа. Наконецъ кромѣ первороднаго и родовыхъ у каждаго человѣка есть личные грѣхи. Грѣшна собственно душа, которая безсмертна и безтѣлесна и которая за первородный грѣхъ заключена въ тѣло какъ въ нѣкоторую темницу или гробъ (*σῆμα*). Идеальною задачею души должно быть возвращеніе первоначальной чистоты, освобожденіе навсегда отъ узъ тѣла и тѣснѣйшее соединеніе съ божествомъ.

Въ ученіи о душѣ у орфиковъ на первый планъ выступаетъ теорія метемпсихозиса—переселенія душъ. Соединеніе души съ тѣломъ по орфической психологіи не субстанціо-нально, а случайно. Тѣло—временная квартира души, въ которую душа попадаетъ не по своей волѣ и съ которой она связана несравненно крѣпче, чѣмъ человѣкъ съ своимъ жильемъ. Но какъ ни крѣпка эта связь, въ смерти она разрывается. Душа снисходитъ въ область подземныхъ боговъ и живетъ безъ тѣла, но только временно. Затѣмъ, она снова возрождается на землѣ въ тѣлѣ человѣческомъ или животномъ въ зависимости не отъ своей воли, а отъ дѣлъ въ своемъ предшествовавшемъ существованіи. Такъ осуществляется кругъ рожденій—*κύκλος τῆς γενέσεως*. Это орфическое ученіе о возрожденіи и переселеніи душъ прежде обыкновенно ставили въ связь съ Египтомъ. Но имѣнно въ египетскихъ памятникахъ доселѣ не найдено указаній на вѣру въ переселеніе души. Съ другой стороны въ арійской семьѣ народовъ греческій метемпсихозисъ не представляется исключительнымъ явленіемъ. Вѣрованіе въ переселеніе душъ было у кельтовъ. Извѣстно, какую громадную роль доктрина метемпсихозиса имѣла и имѣетъ въ браманизмѣ и буддизмѣ. Роде справедливо отмѣчаетъ, что уже древне-греческія сказанія о превращеніи людей въ животныхъ, наприм., спутниковъ Одиссея въ свиней заключаютъ въ себѣ признаніе факта переселенія души ¹⁾ и конечно подсказываютъ, какъ выводъ, ту мысль, что если при жизни у души можетъ переимѣниться тѣло, то и послѣ потери одного тѣла (въ смерти) душа можетъ войти въ другое.

Въ индійскихъ религіозныхъ представленіяхъ для теоріи

¹⁾ E. Rohde—Psyche. Drit. Aufg. Zweit. Band. Tübing. et Leipz. 1903. S. 134—135.

возрожденій души представлялся нѣкоторый параллелизмъ въ ученіи о міровыхъ періодахъ, о возрожденіяхъ міра (кальпа). Нѣчто аналогичное хотять отыскивать и въ ученіи орфиковъ. Отмѣчаютъ что теокосмогоніи орфиковъ можно понимать какъ исторію нѣкаго мірового круговорота. То царство Фанита, то—Крона, то—Зевса. Отмѣчаютъ, что боги новыхъ періодовъ отличаются только именами, но въ сущности это—старые боги. Деметра та же Рея, можетъ быть и имя ея значить мать Діа, т. е. Зевса, т. е. ея имя есть законное имя Реи ¹⁾. Но даже и въ буддизмѣ, гдѣ разработано ученіе о кальпѣ, оно стоитъ въ плохой связи съ теоріей нирваны и его трудно связать съ нравственнымъ ученіемъ. У орфиковъ теорія міровыхъ круговоротовъ даже невыяснена. А въ томъ видѣ, въ какомъ ее представляютъ, она не даетъ ключа ни для пониманія орфическихъ умозрѣній, ни для объясненія ихъ нравственныхъ требованій. Идея мірового круговорота естественно подсказывается уже смѣною времянь года, смѣною человѣческихъ поколѣній, еще больше астрономическими циклами, что уже было установлено Халдеею и Египтомъ, и Гезіодъ уже далъ теорію смѣны вѣковъ. Но ни въ одной религіи однако эта теорія цикловъ не приобрѣла значенія плодотворнаго догмата. И это понятно. Теорія круговоротовъ уничтожаетъ импульсъ для продуктивной дѣятельности, поэтому даже и тамъ гдѣ она была развита, про нее забывали при изложеніи практическихъ требованій. Такъ мы видимъ и въ орфизмѣ *παλιγγενεσία*, *μετεμοίωσις*, *μετεμύρωσις*; стояли въ связи съ требованіями религіи и морали, но не представлялись необходимымъ отраженіемъ космическихъ процессовъ.

Душа достигшая совершенной чистоты возносилась на небо или на острова блаженныхъ, но пока она не достигла этого блаженнаго конца, она осуждена переходить изъ тѣла въ тѣло путемъ новыхъ и новыхъ воплощеній. Чтобы освободиться отъ нихъ, душа должна усовершенствоваться путемъ посвященія, очищенія, благочестія, экстазовъ, постовъ, исполненія обрядовъ и веденія особеннаго образа жизни. „Когда наступитъ часъ смерти, душа посвященнаго сдумѣетъ провести себя въ преисподнюю, благодаря наставленіямъ похо-

1) O. Gruppe—op. cit. у Roscher'a—Lexik. ³/₁ S. 1139 und folg.

ровнаго руководства и благодаря формуламъ, которымъ она научена. Она избѣжитъ источника Леты (забвенія), гдѣ непосвященные имѣютъ неблагоразуміе утолять свою жажду, она будетъ пить только изъ животворнаго источника Мнемозины. Она будетъ произносить слова, которыя обезоружатъ подземныхъ боговъ и которыя дадутъ имъ возможность узнать посвященныхъ. Душа очистившаяся вполнѣ найдетъ милость у Діониса—Гадеса и у Керы—Персефоны, она выйдетъ изъ круга рожденій для того, чтобы соединиться съ героями, обращаться около боговъ и самой стать божествомъ. Если она не изгладила вполнѣ пятна первороднаго грѣха, она должна снова начать земную жизнь. И ожидая ея, она будетъ пребывать въ преисподней. Но во время этого промежутка между двумя существованіями душа посвященнаго будетъ находиться уже въ привилегированномъ положеніи. Она будетъ проводить покойную и чистую жизнь въ прекрасныхъ преріяхъ и священныхъ рощахъ Персефоны, она будетъ увеселяться бесѣдами и играми въ сообществѣ подземныхъ боговъ. Напротивъ, непосвященные будутъ лежать въ грязи во мракѣ. Преступники будутъ низвержены въ глубину тартара и несомнѣнно будутъ мучимы демонами или лучше подобно данаидамъ они будутъ осуждены на то, чтобы непрестанно лить воду въ рѣшето. За всѣмъ тѣмъ эти адскія мученія, какъ и награды для посвященныхъ, только относительны и временны. Истинная кара состоитъ въ возвращеніи къ новымъ земнымъ существованіямъ, равно какъ и истинное счастье заключается въ вступленіи на небо послѣ совершеннаго искупленія“ ¹⁾.

Дверями, черезъ которыя можно съ земли перейти на небо, являются орфическіе союзы—тіазы (*θίασος* въ данномъ случаѣ=братство). Подробности устройства и исторіи этихъ союзовъ неизвѣстны. Ихъ было много въ Греціи и Италиі. Несомнѣнно, уставы ихъ варіировались въ деталяхъ. Пифагорейскій союзъ образовавшійся въ Кротонѣ въ сущности можно разсматривать, какъ одинъ изъ орфическихъ тіазовъ, отличавшійся отъ другихъ тѣмъ, что къ намѣченнымъ имъ задачамъ онъ прибавилъ еще новыя. Орфическія братства имѣли цѣли религіозныя. Пифагорейцы восприняли ихъ все-

¹⁾ P. Monceaux—op. cit. p 251—252.

цѣло, но присоединили къ нимъ еще задачи 1) социальнополитическія и 2) научно-философскія. Но эти широкія задачи были во всякомъ случаѣ выводными изъ принциповъ орфизма. Наука и философія должны были истолковать вѣроученіе орфизма, а социальнополитическія задачи сводились къ устроенію общественной жизни на началахъ орфизма. Недаромъ Ямвлихъ учителемъ Пифагора преподавшимъ ему тайны знанія назвалъ предстоятеля орфическихъ мистерій Аглаофама. Повидимому орфическія общины были въ Афинахъ уже болѣе, чѣмъ за 4 в. до Р. Х. Такъ у Діогена Лаэртія имѣется рассказъ (VI, 4) объ основателѣ школы циниковъ Антисѳенѣ, который будто бы выслушавъ отъ орфическаго жреца описаніе радостей ожидающихъ въ Гадесѣ посвященныхъ, спросилъ: „почему же ты не умрешь тотчасъ же?“ У орфиковъ были жрецы. Посвященные въ орфическія мистеріи, какъ и въ другія, назывались мистами (мистъ—*μύστης*), въ церемоніяхъ они носили еще мистическое имя вакховъ. Имъ или ихъ жрецамъ усвоялись имена *καθαροί* (чистые), *εὐαγεῖς* (святые), *λαοί* (люди можетъ быть въ спеціальному смыслѣ—работники, подвижники), *μυστιλόλοι*, *νεομύσταί*, *τέοι* *ἐκέται*, *μύστης* *νεοφάντης*, *ὄργιοφάνται*, *βουκόλος* (пастырь, вѣроятно наименованіе относящееся къ жрецу или учителю).

Въ общество орфиковъ принимали посредствомъ посвященія, совершавшагося жрецомъ. Спеціальнѣйшій культъ орфиковъ, къ которому допускались только посвященные, состоялъ изъ мистерій, обычно совершавшихся ночью. Они состояли изъ ряда очищеній и молитвъ. Молитвы въ формѣ гимновъ произносилъ жрецъ, испрашивая въ нихъ для собранія покровительства боговъ. Приносились безкровныя жертвы, совершались возліянія, излагалось ученіе или въ драматической формѣ представлялись священныя сказанія (миѳъ о Загреѣ, похищеніе Персефоны, сошествіе въ адъ). Сообщались литургическія формулы, которыми должна была руководиться душа при своихъ странствованіяхъ въ преисподней. Совершался обрядъ омофагін (*ὀμοφαγία*). Сущность его заключалась въ томъ, что участвовавшіе въ немъ ѣли сырое мясо жертвы. Обрядъ омофагін совершался на Критѣ ночью въ честь Діониса Загрея. Многіе и указываютъ родину его на Критѣ и предполагають, что онъ выродился

изъ человѣческихъ жертвъ. Но и то и другое положеніе представляется необоснованнымъ. Омофагія у орфиковъ представляетъ собою отзвукъ не только міа о смерти Загрея, но и міа о смерти Орфея. А сказанія объ Орфее направляютъ мысль къ Эракии, а не къ Криту. Сущность обряда заключалась не въ томъ, что ѣлось мясо жертвы, а въ томъ, что ѣлось *сырое* мясо. Прежде всего дѣло здѣсь шло не о человѣческомъ или животномъ, а о сыромъ мясе. Затѣмъ это сырое мясо характеризовалось какъ божественное. Даже и Орфей, тѣло котораго ѣли менады, не былъ человѣкомъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Но если омофагія напоминала объ Орфее, то во всякомъ случаѣ она всецѣло была связана съ Діонисомъ, который былъ богомъ, а не человѣкомъ. Обыкновенную жертву нужно освятить и приготовить въ пищу. Эти требованія не могли быть обращаемы къ жертвѣ, которою явился самъ богъ. Смыслъ омофагіи у орфиковъ заключался въ томъ, что съѣдали бога. Но человѣкъ по мысли орфиковъ какъ и по мысли Фейербаха есть то, что ѣсть, только орфики вносили въ это положеніе глубокой и мистической смыслъ, каковой имъ не придавалъ Фейербахъ. Человѣкъ, который ѣсть бога, становится одно съ богомъ, самъ становится богомъ. Діонисъ назывался также Вакхомъ, и посвященные въ мистеріяхъ въ церемоніяхъ назывались вакхами. Представленіе о субстанціанальномъ соединеніи человѣка и бога при сохраненіи индивидуальности того и другого является всеобщимъ распространеннымъ. У некультурныхъ народовъ оно выражается въ вѣрованіи, что въ человѣка вселился дружественный или злой духъ. Въ Египтѣ было развито и разработано ученіе, согласно которому праведный умершій становился одно съ Озирисомъ. Онъ и назывался Озирисъ N (ставилось имя покойнаго) ¹⁾. Въ омофагіи посвященный, принимая въ себя плоть бога, принималъ и божественный духъ. Какъ умершій египтянинъ становился Озирисомъ, такъ орфикъ, участвовавшій въ омофагіи становился Вакхомъ.

Но существовало изреченіе *πολλοὶ μὲν καρθηκοφόροι, παῦροι δὲ τε Βάκχοι*—много носителей жезловъ, но мало вакховъ ²⁾.

¹⁾ С. Глаголева—op. cit. стр. 151—157.

²⁾ E. Harrison—Prolegomena to the study of Creek Religion. Cambridge 1903. p. 455, 474 п слѣд.

Смысль этого изреченія понятенъ: недостаточно имѣть видъ Вакха, чтобы быть дѣйствительно Вакхомъ, слѣдовательно, недостаточно и именоваться орфикомъ, чтобы получить тѣ блага, которыя ожидаютъ орфиковъ. Чтобы быть дѣйствительнымъ орфикомъ, нужно вести орфическую жизнь. Мы встрѣчаемся здѣсь съ широкою системою практическихъ предписаній, которыя должны были регулировать жизнь посвященныхъ. Въ основѣ всѣхъ этихъ предписаній лежали два начала: мистическое и этическое. Они обнимаютъ жизнь человѣка и провожаютъ его за гробомъ.

Орфикъ долженъ быть аскетомъ. Онъ не долженъ употреблять мясной пищи. Тезей, повѣрившій клеветѣ на своего сына Ипполита, въ гнѣвъ бросаетъ ему такія слова:

Ты чванишься, что въ пищу не идеть

Тебѣ ничто дышавшее, и плутни

Орфеевымъ снабдилъ ты ярлыкомъ ¹⁾.

Орфикъ не долженъ губить никакого проявленія жизни. Вотъ, что говоритъ Пифагоръ въ метаморфозахъ Овидія объ употребленіи въ пищу животныхъ и птицъ.

Смертные! бойтесь тѣла осквернять непотребною пищею!

Есть на это зерно и плоды, что собственнымъ вѣсомъ

Вѣтви склоняютъ и есть со вздутыми гроздьями лозы;

Сладкія травы затѣмъ, которымъ пламя и нѣжность

Вмѣстѣ и мягкость даетъ; отъ васъ ни молочная влага

Не отнята, ни соты...

Расточая дары, земля намъ кроткую пищу

Производитъ, и яствъ безъ убійства и крови подноситъ.

Звѣри... не всѣ укрощаютъ голодь своей мясомъ.

Ибо и конь и овца и коровы живутъ лишь травою,

Тѣ же..., чей нравъ необузданъ и дикъ совершенно,

Какъ то свирѣпыя львы, армянскіе тигры и волки

Съ медвѣдями, вотъ тѣ кровавую любятъ трапезу.

О, что за ужасъ во внутрь чужую внутренность прятать,

И, глотая тѣла, утучнять ненасытное тѣло,

И животному жить другого животнаго смертью!

Иль средь столькихъ богатствъ, что добрѣйшая намъ

порождаетъ

¹⁾ Театръ Еврипида. перев. Аяненскаго. Т. I. С.-Петербургъ. 1907. стр. 307—308.

Матерь—земля, для тебя ничего нѣтъ отраднѣй, чѣмъ
зубомъ
Иростнымъ раны кусать, возвращаясь ко нравамъ цикло-
повъ?

Неужель, не губя другого, унять ты не можешь
Голода брюха съ его воспитаннымъ дурно обжорствомъ?
А вѣдь древнѣй тотъ вѣкъ, что мы золотымъ называемъ,
Только плодами деревьевъ, да почвой рожденной травой,
Быль совершенно блаженъ и усть своихъ кровью не
пачкалъ.

Безопасно тогда летали по воздуху птицы,
И блуждалъ средь полей повсюду безтрепетный заяцъ...
Всѣ безо всякихъ засадъ, никакихъ не страшились обма-
новъ,

Мирно живали они ¹⁾.

Нужно жить такъ, чтобы своею жизнью не причинялъ ущерба жизни другихъ. Признаніе, что нужно щадить жизнь всего дышащаго, свидѣтельствуешь о томъ, что этика орфи-ковъ перешагнула границы не только рода и націи, но даже и границы человѣческихъ отношеній. Орфики признали за собою обязанности по отношенію ко всему міру. Ипполитъ выводится, какъ идеальный типъ орфика, но понятно, что распространеніе табу на все животное царство для всѣхъ орфи-ковъ не могло быть возможнымъ. Орфическія общины не были общинами монашескими. Орфики были людьми семейными, жили въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ жили и другіе. Но важно принципиальное признаніе орфиками той истины, что всякое проявленіе жизни священно. То, что священно, подлежитъ табу. Обрядъ омофагіи новидному стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ этими принципами. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что этотъ обрядъ возникъ не на орфической почвѣ. Орфики приняли его въ наслѣдство съ религіею Діониса, но они вложили въ него мистическія смыслы. Въ греческомъ жертвенномъ ритуалѣ, какъ во всѣхъ иныхъ, допускалось не мало фикцій. Между прочимъ иногда пускалась въ ходъ фикція, что жертвенное

1) Публ. Овидій Наз.—Метаморфозы. кн. XV, ст. 75—103. Перев. Фета. см. у проф. А. А. Бронзова—Вопросъ о „безубойномъ питаніи“ чловѣка. С.-Петербург. 1904. стр. 46.

животное само желаетъ быть заклятымъ и свободно идетъ къ жертвеннику. То, что было фикціей по отношенію къ телицѣ, было только истиной по отношенію къ богу. Діонисъ могъ желать пострадать и принести себя въ жертву, чтобы чрезъ это умножилась духовная жизнь. Въ омофагіи жизнь не убивалась, а усвоялась. При такомъ толкованіи омофагія была не актомъ борьбы съ жизнью, а ростомъ жизни.

Общее запрещеніе мяса несомнѣнно утверждалось на этической основѣ. Но далѣе мы находимъ указанія, что у орфиковъ запрещалось употребленіе въ пищу яицъ. Какіе могли быть мотивы для этого запрещенія? Яйцо носить въ себѣ зародышъ жизни. Употреблять въ пищу яйца значить убивать уже зачавшуюся жизнь. Такъ можно толковать запрещеніе. Но по этому толкованію жизнь получаетъ уже слишкомъ широкую охрану. Яйцо—еще не живое существо, въ немъ нѣтъ еще желанія жизни и любви къ благамъ жизни. Отнимать жизнь у того, кому она дорога, не должно, но обезпеченіе возникновенія жизни для всѣхъ являющихся на свѣтъ яицъ можетъ скорѣе повести къ нестроеніямъ въ жизни. Выше было приведено самовосхваленіе Рамзеса, говорившаго: „я не разбивалъ снесеннаго яйца“. Рамзесъ не былъ вегетарьянцемъ. Слѣдовательно, его особенное отношеніе къ яйцамъ опредѣлялось особеннымъ взглядомъ на яйца. Роде полагаетъ, что у орфиковъ было запрещено употребленіе въ пищу яицъ, потому что яйца посвящены подземнымъ богамъ¹⁾. Но это основаніе не можетъ быть приложено къ Рамзесу и если оно и имѣло значеніе у грековъ, то во 1) оно опять вызываетъ вопросъ: почему подземнымъ богамъ приносили яйца и 2) не исключаетъ собою другихъ основаній. И у египтянъ и орфиковъ изъ яйца выходитъ міръ. Всякое снесенное яйцо является символомъ яйца мірового. И символъ здѣсь напоминаетъ о символизируемомъ не только формою, но и содержаніемъ. Буше-Леклеркъ, обращая вниманіе на то, что орфики представляли міръ подъ видомъ яйца, отмѣчаетъ, что орфики какъ бы направляли мысль къ эллиптическимъ орбитамъ, фактъ существованія которыхъ утвердилъ только Кеплеръ²⁾. Сомнительно, чтобы

¹⁾ E. Rohde—op. cit. II, p. 126.

²⁾ A. Bouché—Leclercq—op. cit. p. 8.

на самомъ дѣлѣ орфики проникнули въ тайну эллиптическихъ орбитъ тѣмъ болѣе, что орбиты планетъ гораздо дальше отъ эллиптической формы куриного яйца, чѣмъ отъ фигуры круга, каковую фигуру признавалъ совершенною не только Платонъ, но уже и Пифагоръ. Существуютъ яйца и сферической формы. Но несомнѣнно, что орфики, какъ и всѣхъ размышлявшихъ о фактѣ, поражала таинственная сила заключенная въ яйцѣ. Эта сила превращала мертвое содержимое въ яйцѣ въ живое существо. Эта сила естественно должна быть мыслимою аналогичной той, которая нѣкогда положила начало жизни въ мірѣ. Такъ между мировымъ яйцомъ и каждымъ яйцомъ появляющимся на землѣ оказывается сходство не въ формѣ только, а главнымъ образомъ въ томъ, что каждому изъ этихъ, какъ и изъ всякихъ яицъ, присуща таинственная сила производящая жизнь. Подъ скорлупою яйца скрывается божественная тайна. Яйцо носитъ въ себѣ тайну. Можетъ быть отсюда развилась мысль и о томъ, что у яицъ можно спрашивать о тайнахъ. Объ Орфѣе существуетъ сказаніе, что онъ ввелъ гаданіе на яйцахъ ¹⁾).

Если въ запрещеніи употреблять въ пищу яйца кромѣ мистическихъ можно усматривать еще и этические мотивы, то, кажется, послѣдніе невозможно усматривать въ запрещеніи употреблять въ пищу бобы. Роде полагаетъ, что бобы, какъ и яйца, запрещались, потому что они служили жертвою подземнымъ богамъ ²⁾. Но изслѣдованіе вопроса показываетъ, что табу на бобы существовало во многихъ мѣстахъ, гдѣ не было и мысли о принесеніи ихъ въ жертву подземнымъ богамъ и что съ бобами связано много и разнообразныхъ вѣрованій. Египетскіе жрецы не ѣли бобовъ и считали ихъ нечистою овощью. Гаданіе на бобахъ было распространено широко издревле. Въ Греціи при выборахъ и на судѣ вмѣсто шаровъ иногда употреблялись бобовыя зерна. У Плинія въ его естественной исторіи (кн. XX, гл. 30) сообщается, что бобы нагоняютъ сонъ сопровождаемый страшными видѣніями преимущественно мертвецовъ. У грековъ и потомъ у римлянъ бобовою похлебкою поминали усопшихъ родителей (паренталии), причемъ имѣли цѣлю

¹⁾ P. Monceaux—op. cit. 242.

²⁾ E. Rohde—loc. cit.

видѣть ихъ во снѣ и бесѣдовать съ ними. У древнихъ греческихъ врачей будто бы существовало повѣрье, что бобовые цвѣты сводятъ женщинъ съ ума. Пифагорейцамъ приписывалось мнѣніе, что души усопшихъ скрываются въ бобовыхъ зернахъ. Любопытно, это сопоставить съ вѣрованіемъ ирокезовъ, что души пшеницы, бобовъ, гороха имѣютъ форму молодыхъ женщинъ ¹⁾. Современная ботаника знаетъ бобъ калабарскій или судилищный—*physostima venenosa*. Принадлежитъ къ семейству *papilionaceae*, растетъ въ Калабарѣ, западной области Африки, близкой къ Нигеру и Гвинейскому заливу. Бобы въ Калабарѣ „служатъ орудіемъ для производства надъ подозрѣваемыми въ преступленіи такъ называемаго божьяго суда: подозрѣваемый въ какомъ-либо преступленіи обязанъ съѣсть опредѣленное количество бобовъ, или же выпить приготовленный изъ нихъ настой. Если обвиняемый отъ него не умираетъ, то онъ считается невиннымъ; если же умираетъ, то виновнымъ. Не отравляются обыкновенно тѣ, у которыхъ появляется рвота; если же послѣдняя появляется, тогда минутъ черезъ 15—30 у осужденнаго появляется общее разслабленіе съ сильнымъ отдѣленіемъ слюны и пота, затѣмъ парализуются мышцы, въ томъ числѣ и мышцы мочевого пузыря и прямой кишки. Сознаніе сохраняется до послѣдней минуты. Если не послѣдуетъ рвоты, тогда обнаруживаются судороги, которыя по сообщенію миссіонеровъ служатъ сигналомъ для окружающихъ; они тогда умерщвляютъ изобличеннаго въ винѣ палками“ ²⁾. Нѣкоторые готовы связать мистическое значеніе бобовъ съ чечевичною, т. е. въ сущности бобовою похлебкою Исава, изъ за которой онъ лишился первородства. Нѣкоторые табу на бобы объясняютъ гигиеническими соображеніями, такъ какъ бобы, горохъ являются неудобоваримою пищею и развиваютъ газы. Но такое объясненіе трудно согласить съ признаніемъ за бобами священнаго значенія. Конечно, значеніе

¹⁾ Исторія религій и тайныхъ религиозныхъ обществъ (неназваннаго себя въ изданіи—П. П. Каратыгина) т. 4-ый. С-Петербург. Египетъ. стр. 145—146. С. Глаголева—О происхожденіи и первобытномъ состояніи рода человѣческаго. 1894. Москва. стр. 417.

²⁾ Брокгаузъ и Ефронъ—Энциклопедич. словарь. 7, 137. Бобъ калабарскій. См. также Варминга—Систематика растений. Перев. Ростовцева и Голенина. Москва. 1893. стр. 478.

калабарскаго боба повидимому легко находить себѣ объясненіе въ его ядовитыхъ и кромѣ этого, должно добавить, цѣлебныхъ свойствахъ. Растеніе, въ которомъ скрывается могучая цѣлящая и убивающая сила, естественно могло вызвать къ себѣ религиозное отношеніе. Но обыкновенные бобы и горохъ—вещи очень невинныя. Только должно замѣтить о бобахъ, что очищенные отъ шелухи они сильно напоминаютъ эмбриона—зародышъ и потому могутъ навести на мысль, что въ нихъ таится что-то живое. Но во всякомъ случаѣ религиозная исторія боба еще не прослѣжена и мы можемъ только сказать, что въ этой исторіи орфическіи бобъ занимаетъ не послѣднее мѣсто.

У орфиковъ была регламентація и одежды. Посвященные носили бѣлыя одежды въ знакъ чистоты и цѣломудрія. Повидимому имъ было запрещено носить шерстяныя одежды и они должны были носить льняныя (Сравни Исхода XXVIII, 42). Различными соображеніями могли быть вызваны эти запрещенія. Орфизмъ осуждалъ роскошь, эксплуатацію животнаго міра. Къ этимъ этическимъ соображеніямъ могли присоединяться требованія символизма и мистицизма.

Орфизмъ развилъ идею цѣломудрія. Нѣкоторые мѣны и сказанія даютъ основанія для вывода, что орфикамъ была нечужда мысль, что женщина есть сосудъ дьявольскій. Уже Орфей, для котораго Эвридика не успѣла стать дѣйствительною женою, представляется въ мифахъ ненавистникомъ женщинъ и погибаетъ, какъ жертва ихъ страстнаго гнѣва за его пренебреженіе къ нимъ. Нипполитъ у Эврипида громитъ женщинъ. Въ своемъ монологѣ „о Зевсѣ! зачѣмъ ты создавалъ жену?“ онъ развиваетъ своеобразную теорію, что чѣмъ больше ума въ женщинѣ, тѣмъ хуже, и что сравнительно

Хорошо, кому попало въ домъ
Ничтожное творенье, чтобъ ни злого
Ни добраго придумать не могла.

Но этотъ мизогинизмъ во всякомъ случаѣ не былъ введенъ въ принципъ. За то идея, что безбрачіе выше брака и что брачныя отношенія оскверняютъ чистоту тѣла, установилась въ орфизмѣ. Нипполитъ говорить о себѣ:

Я брака не позналъ и тѣломъ чистъ ¹⁾.

¹⁾ Театръ Еврипида citir. 294—295 и 309.

Но за всѣмъ тѣмъ невиднo, чтобы орфизмъ шелъ противъ брака. Да и вообще орфизмъ не былъ доктриною революціонною. Онъ принималъ то, что было установлено. Не колебалъ онъ и создавшихся социальныхъ отношеній. Орфики допускали рабовъ въ мистеріи, но не отрицали рабства. Возможно, что въ общемъ къ женщинамъ, рабамъ и дѣтямъ они относились свысока. Орфизмъ училъ, что не должно подчиняться низшимъ (особенно не должно попадать во власть женщинъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ призывалъ не обижать низшихъ.

Пиеагору приписывается книга золотыхъ стиховъ. Это—собраніе краткихъ наставленій иногда прямыхъ, нерѣдко облеченныхъ въ иносказательную форму. Различныя изъ этихъ наставленій воспроизводятся различными греческими авторами. Позволительно думать, что эти пиеагорейскія наставленія являются вмѣстѣ и орфическими и потому могутъ служить для характеристики орфизма. Вотъ эти наставленія или заповѣди.

Прежде всего уважай и почитай боговъ, героевъ, посредниковъ между людьми и богами, но не проси у нихъ ничего въ своихъ молитвахъ, потому что ты не знаешь себя, а они одни знаютъ, что хорошо для тебя.

Почитай бога клятвы.

Старательно исполняй обрядовыя правила относительно религіозныхъ обязанностей.

Чти твоего отца, мать, родственниковъ.

Люби честныхъ людей, не питая ненависти къ злымъ.

Другъ, это—другой ты самъ. Друга нужно почитать какъ какого-либо бога. Дружба есть равенство гармоніи.

Будь внимателенъ къ добрымъ совѣтамъ.

Умѣряй свои нужды. Укрощай страсти. Мѣра есть совершенство во всемъ. Не допускай ничего безчестнаго ни съ другими, ни одинъ; уважай себя самого.

Не предавайся страсти, чтобы ты не подпалъ власти существа низшаго тебя.

Не призывай боговъ въ свидѣтели, и будь самъ одинъ свидѣтелемъ достойнымъ вѣры.

Будь справедливъ въ словахъ и дѣлахъ.

Избѣгай того, чтобы твои друзья превращались во враговъ. Старайся, наоборотъ, враговъ превращать въ дру-

зей. Будь кротокъ. Не бей смирнаго животнаго. Не крушай домашняго дерева.

Приучайся къ мысли, что смерть есть общій и неизбѣжный жребіи.

Умѣй переносить жребіи, который тебѣ дали боги.

Обсуждай, наслѣдуй, размышляй прежде, чѣмъ дѣйствовать.

Заботься о своемъ здоровьѣ.

Каждый вечеръ прежде, чѣмъ отойти ко сну, испытывай свою совѣсть. Обличай себя въ своихъ грѣхахъ и раскаивайся. Радуйся добру, которое ты сдѣлалъ.

Такова добродѣтельная жизнь. Не должно ограничиваться тѣмъ, чтобы размышлять о ней.

Ее должно разумно осуществлять. Ей нужно слѣдовать съ любовью.

Каждое утро прежде, чѣмъ приступить къ работѣ, молись. Познавъ самого себя и свою нравственную слабость, признай, что ты не способенъ самъ вести себя и что ты долженъ подчинить себя могуществу, съ которымъ ты не могъ бы бороться. Отдай себя всецѣло и отъ всего сердца во власть Бога, владыки всего.

Эта чистота жизни, это дѣятельное освященіе души есть необходимое преддверіе къ наукѣ, которая откроетъ тебѣ, что такое богъ, что такое человѣкъ и что такое міръ и все происходящее въ немъ. Ты научишься оцѣнивать каждую вещь по ея дѣйствительной стоимости. Ты узнаешь, что человѣкъ часто устремляется къ тѣмъ бѣдствіямъ, которыя его поражаютъ, не видитъ благъ, которыя ему предлагаютъ люди, не знаетъ лекарствъ отъ скорбей, которымъ подвергается. Люди подобны цилиндрическимъ сосудамъ катящимся по прихоти случая.

Для себя имѣй вѣру и мужество, ибо человѣкъ принадлежитъ къ роду боговъ.

Воздерживайся отъ запрещенной пищи. Въ очищеніяхъ своего тѣла, какъ и въ очищеніяхъ своей души производи разумный и мудрый выборъ: разумъ есть высшій водитель и абсолютный владыка жизни.

Если ты будешь слѣдовать этимъ заповѣдямъ, то въ часъ, когда смерть освободитъ изъ темницы тѣла твою душу,

бывшую доселѣ въ плѣну, ты совлечешься человѣка и
станешь богомъ.

Люди суетные и тщеславные подобны пустымъ сосудамъ:
ихъ легко брать за уши (за ручки).

Мудрый долженъ уйдти изъ жизни, какъ съ пира, съ до-
вольнымъ видомъ.

Гавань есть убѣжище корабля. Убѣжищная гавань жизни—
дружба.

Въ драмѣ жизни юность есть первое дѣйствіе. Вотъ по-
чему каждый смотритъ на нее съ такимъ вниманіемъ.

Цѣнность статуи опредѣляется ея формой, цѣнность че-
ловѣка опредѣляется его способностью дѣйствовать.

Жизнь подобна театральной піесѣ. Самые злые часто
играютъ въ ней самую прекрасную роль.

Шутка подобна соли. Ее нужно употреблять осторожно.

Земля даетъ плоды только въ одно время года. Дружба
даетъ свои плоды въ каждое мгновеніе жизни.

Трапеза безъ бесѣды, богатство безъ добродѣтели теряетъ
свою прелесть.

Начало есть половина всего.

Жизнь скупца подобна похоронному пиру. Въ ней есть
все кромѣ счастливаго человѣка.

Не лишайте храмъ алтаря, не отвнимайте у человѣческаго
сердца жалости.

Не размѣшивай огня остріемъ меча.

Предлагай свою помощь тому, кого ты видишь обременен-
нымъ ношею, но не слѣши ее предлагать, если ты ви-
дишь, что онъ хочетъ сбросить свою ношу.

Не носи кольца, на которомъ имѣется изображеніе бога.

Не спи въ полдень.

Не кроши хлѣба.

Не поднимай упавшихъ со стола крошекъ.

Не ѣшь на повозкѣ.

Научись хранить молчаніе.

Не задерживайся на порогѣ.

Не оставляй ничего на двѣ чаши.

Не убивай змѣю заползшую въ твое жилище.

Когда свѣтитъ солнце, не зажигай свѣтильниковъ.

Не спи на могилѣ.

Не касайся лиры, не вымывъ напередъ рукъ.

Не бросай въ огонь прутьевъ цѣлой связкою.

Не пиши на свѣгу.

Не принимай ласточки подъ кровлю своего дома.

Старательно счищай копоть съ горшковъ.

Не проходи подъ вѣсами.

Не складывай чистаго кушанья въ нечистый сосудъ.

Послѣдній рядъ правилъ имѣетъ характеръ иносказаній. Но въ общемъ эти иносказанія, кажется, легко разгадываются. Размѣшивать огонь мечемъ, нужно полагать, означаетъ раздражать того, кто уже раздраженъ, т. е. это выраженіе равносильно нашему: подливать масло въ огонь. Запрещеніе поднимать упавшія крошки несомнѣнно стоитъ въ связи съ заботою о псахъ и иныхъ, которые ѣдятъ крошки со столовъ своихъ господъ. Запрещеніе убивать змѣю и принимать ласточку повидимому стоятъ въ несогласіи, но ихъ можно истолковать такъ. Не убивай врага, онъ можетъ стать другомъ. А съ другой стороны выбирай другомъ только надежное лицо: ласточка ненадежна, съ холодами она улетаетъ. Счищать копоть—подавлять и уничтожать злопамятность. Проходить подъ вѣсами—вмѣшиваться въ чужіе споры. Складывать чистое въ нечистый сосудъ, это приблизительно тоже, что метать бисеръ передъ свиньями ¹⁾.

Въ изложенныхъ правилахъ мы находимъ признаніе того, что человѣкъ не можетъ самъ вести себя правильнымъ путемъ. Онъ и не знаетъ путей и не владѣетъ силами, чтобы идти путемъ вѣрнымъ. Ему нужна помощь боговъ. Отсюда—потребность въ мистическихъ средствахъ. Отсюда—потребность и въ магіи. Конечная задача посвященнаго совлечся человѣка и стать богомъ. Къ этому ведетъ чистая орфическая жизнь и знаніе того, что нужно дѣлать. Нужно тщательно исполнять обряды, нужно знать и умѣть произносить религіозныя формулы. Оказывается, заботливость близкихъ снабжала покойниковъ этими формулами написанными на золотыхъ листахъ. Магическія золотыя пластинки клались съ покойниками. Обычно ихъ длина немного болѣе половины сантиметра и ширина около одной десятой сантиметра или менѣе. Характеромъ находящихся на нихъ надписей онѣ

¹⁾ A. Ed. Chaignet—op. cit. T. I. p. 147—154. Исторія религіи citir. T. 6. стр. 84—85.

напоминають египетскія книги мертвыхъ. Ихъ находили около Рима, въ южной Италіи—въ окрестностяхъ Петилии и Туліи и на Критѣ. По мнѣнію изслѣдователей они представляютъ собою извлеченіе изъ руководства (=книгъ мертвыхъ) нужнаго умершимъ. Это—только нѣсколько стиховъ, которые должны напомнить имъ всю нужную имъ поэму. По своему содержанію эти найденныя таблицы дѣлятся на два рода. Однѣ изъ нихъ содержатъ совѣты душѣ умершаго относительно его загробнаго путешествія. Какую дорогою должна идти душа, какихъ опасностей должна избѣгать. Что она должна говорить, когда найдетъ блаженство. Въ другихъ таблицахъ содержатся рѣчи умершаго обращенныя къ подземнымъ богамъ съ тѣмъ, чтобы душа была допущена въ царство блаженныхъ. Переводъ тѣхъ и другихъ таблицъ представляетъ трудности. Не вездѣ ясно даже—монологъ или діалогъ представляетъ написанное на таблицѣ и гдѣ кончается рѣчь одного лица и начинается рѣчь другого.

Согласно наставленіямъ въ таблицахъ перваго рода, душа, достигнувъ преисподней, замѣтитъ налѣво около бѣлаго кипариса источникъ, который она должна постараться всячески обойти. Это—источникъ Леты. Душа должна пойдти направо къ другому источнику, къ источнику Мнемозины. Она встрѣтитъ тамъ стражей. Она скажетъ имъ: „я—дочь земли и звѣзднаго неба. Я имѣю небесное происхожденіе, знаете ли вы его также. Я изсохла отъ жажды, я умираю отъ жажды, дайте мнѣ немедленно этой свѣжей воды, которая течетъ изъ озера Мнемозины“. Тогда стражи позволяютъ ей пить изъ божественнаго источника, она будетъ тогда царствовать вмѣстѣ съ героями, сама станетъ божествомъ.

Вотъ—таблица втораго рода. „Я прихожу, чистый происшедшій отъ чистыхъ, о царица подземнаго міра, о Евклея, о Евбулей и другіе безсмертныя боги! Я заявляю, что я принадлежу къ вашей блаженной расѣ. Но Мойра и молнія, поражающая звѣзды, меня побѣдили. Я направилъ свой полетъ въ скорбнаго и тягостнаго круга. Я быстрымъ бѣгомъ устремился къ желанной коронѣ. Я вступилъ въ лоно верховной владычицы.—Блаженный и счастливый! ты будешь богомъ и не будешь болѣе смертнымъ.—Козленокъ, я упалъ въ молоко“.

Послѣдняя часть по гречески читается такъ:

*Ὁλβιε καὶ μαχαριστί, θεὸς δ' ἔσσι ἀντὶ βοροῦτο
Ἐριφος ἐς γάλα ἔπετον.*

Полагаютъ, что первая строка представляетъ собою обращеніе къ усопшему Прозерпины или Деспины. Вторая представляетъ слова усопшаго. Эту послѣднюю часть слѣдуетъ сопоставить съ текстомъ одной изъ таблицъ перваго рода. „Когда твоя душа лишится свѣта солнца, направляйся направо, какъ слѣдуетъ тому, кто хорошо наблюдалъ все. Спасеніе! ты испыталъ то, чего не испытывалъ еще никогда. Богомъ ты сталъ изъ человѣка, козленокъ. ты упалъ въ молоко (*θεὸς ἐγένου ἐξ ἀνθρώπου, ἔριφος ἐς γάλα ἔπετες*). Спасеніе, спасеніе! направляйся направо къ дугамъ и священнымъ рощамъ Персефоны“. Здѣсь рѣчь ведется лицомъ (можетъ быть предстоятелемъ мистерій) наставляющимъ усопшаго. Но несомнѣнно въ словахъ приведенныхъ нами по гречески изъ обоихъ таблицъ заключается одна и та же мысль: умершій, бывшій прежде человѣкомъ, теперь становится богомъ. Это представляется и можетъ быть истолковывается образно выраженіемъ, что умершій является теперь козленкомъ упавшимъ въ молоко. Выраженіе это темное. С. Рейнахъ справедливо отмѣчаетъ, что это выраженіе напоминаетъ библейское запрещеніе: „не вари козленка въ молоко матери его“ (Исход. XXIII, 19; XXXIV, 26; Второзак. XIV, 21). Запрещеніе это тоже не принадлежитъ къ числу ясныхъ и не имѣется оснований утверждать, что между нимъ и орфической формулою существуетъ связь по происхожденію. Равно естественно подсказывается мысль, что и смыслъ ихъ совершенно различный. Въ поискахъ за смысломъ орфической формулы Дитерихъ остановился на предположеніи, что наименование козленка здѣсь нужно сблизить съ Діонисомъ, а молоко—съ млечнымъ путемъ. Терминъ *ἔριφος* съ различными вариациями сближается съ Діонисомъ, посвященный въ мистеріи становится новымъ и именно новорожденнымъ Діонисомъ. И этотъ новорожденный (а вмѣстѣ и умершій) падаетъ въ блаженную область молока. Рейнахъ отвергаетъ теорію млечнаго пути. Принимая во вниманіе, что выраженіе о козленкѣ несомнѣнно взято изъ ритуала мистерій, онъ ставитъ вопросъ: не было ли у орфиковъ крещенія въ молоко тѣмъ болѣе, что вѣра въ молоко, какъ вещество восстанавливающее юность, въ нѣкоторой мѣрѣ существовала. Рейнахъ послѣ нѣкото-

раго анализа отвергаетъ это предположеніе на томъ простомъ основаніи, что понадобилось бы слишкомъ много молока. Въ концѣ концовъ онъ приходитъ къ выводу, что выраженіе: упаль въ молоко надо переводить: я, посвятившись, нашель лучшее. Смысль въ сущности тотъ же, что и у Дитериха. Гаррисонъ сближаетъ рѣчь о козленкѣ съ выраженіемъ таблицы: „я вступилъ въ лоно верховной владычицы“ и съ одной надгробной надписью 1-го столѣтія по Р. Х. „Здѣсь лежитъ Боэцій, мужъ вдохновенный музами, вѣчно онъ наслаждается радостью сладкаго сна лежа въ меду“. Въ первоначальной церкви, пишетъ Гаррисонъ, таинство крещенія непосредственно сопровождалось причащеніемъ, Обычай этотъ до нынѣ сохраненъ у коптовъ. Неофитъ пилъ не только изъ чаши съ виномъ, но и изъ чаши, въ которой были смѣшаны молоко и медъ, этимъ новорожденный во Христѣ принималъ пищу ребенка. Наша церковь (т. е. англиканская) отдѣлила причащеніе отъ крещенія и забыла о символизмѣ молока и меда, какъ она не возлагаетъ теперь и вѣнцовъ на своихъ неофитовъ послѣ крещенія.. Блаженный Иеронимъ упоминаетъ о чашѣ молока и меда. Что чаша съ молокомъ и медомъ была языческою, объ этомъ мы знаемъ изъ прекраснаго предписанія сохраненнаго въ одномъ магическомъ папирусѣ, гдѣ поклонникъ вѣры наставляется такъ: „возьми меда съ молокомъ, выпей передъ восходомъ солнца и въ тебѣ будетъ нѣчто божественное“. Умершій согласно орфикамъ возрождается для новой жизни и онъ питается сладкою пищею новорожденныхъ. Питается молокомъ и медомъ. Умершій орфикъ падаетъ въ лоно Деспины, т. е. его хоронятъ въ землѣ. Онъ соединяется съ Деспиною. Изображеніе этого соединенія въ мистеріяхъ могло быть не только ритуаломъ для новорожденнаго, но и ритуаломъ брачнымъ. Какъ бы не варіировалось толкованіе рѣчи о козленкѣ, во всякомъ случаѣ приходится придти къ выводу, что здѣсь изображается вступленіе или въ совершенно новую жизнь или въ совершенно новую фазу жизни, но во всякомъ случаѣ въ жизнь блаженную. Молоко и медъ, какъ пища счастливыхъ, какъ пища желанная, трактовались издревле. У Платона говорится о вакханкахъ: *αἱ βέλχαι ἀρίστοιται ἐκ τῶν ποταμῶν μέλι καὶ γάλα* (Ион. стр. 534 A)—вакханки пьютъ изъ рѣкъ молоко и медъ. Но все-таки нѣтъ нужды думать согласно съ Гаррисонъ, что

христіанамъ за чашей съ молокомъ и медомъ не къ кому было обращаться кромѣ какъ къ язычникамъ. Палестина, обѣтованная страна, гдѣ евреи должны были начать новую жизнь послѣ Египта, характеризуется какъ текущая молоко и медомъ (Исход. III, 8; Числ. XIII, 28; Второзак. XI, 9; XXVI, 10)¹⁾. Значить, символъ молока и меда христіане могли получить отъ тѣхъ, отъ кого они получили и ветхій завѣтъ.

Приведенные документы, какъ они ни темны, ясно говорятъ о томъ, что мысль о смерти сильно озабочивала орфиковъ и что въ этомъ отношеніи они представляютъ много сходства съ египтянами. И тамъ и здѣсь и высокія этические требованія и сильныя надежды на магическія формулы. Изученіе ихъ разрѣшаетъ для насъ то недоумѣніе, которое возникло у Антисеена, почему орфическій жрецъ, зная, что рай такъ хорошъ, не спѣшилъ окончить расчеты съ земною жизнью? По той же причинѣ, по которой у орфиковъ запрещалось самоубійство. Насильственное прекращеніе жизни вовсе не вырывало человѣка изъ круга жизни и не обезпечивало ему блаженства въ лонѣ Деспины. Нужно созрѣть для выхода изъ жизни. Изъ незрѣлаго сѣмени не можетъ развиться новая жизнь. Самоубійство приведетъ лишь къ новымъ и печальнымъ возрожденіямъ. Нужно ждать естественной смерти. Къ ней нужно готовиться жизнью. Изъ всего того, что мы говорили доселѣ, слѣдуетъ, что человѣкъ при помощи боговъ устраиваетъ свое спасеніе самъ. Но вотъ—какой вопросъ поставленъ теперь: могутъ ли человѣку въ дѣлѣ устройства имъ своего спасенія помочь его ближніе? При жизни, понятно, могутъ: совѣтами, руководствомъ, ну а послѣ смерти? Вопросъ этотъ Рейнахомъ поставленъ въ такой формѣ: допускали ли орфики возможность молитвы за умершихъ? Выраженіе одного изъ орфическихъ фрагментовъ *λύσις προγόνων ἀδελφύτων* Таинери перевелъ: отпущеніе наслѣдственныхъ грѣховъ, а Рейнахъ:—отпущеніе грѣховъ предкамъ. Рейнахъ признаетъ, что у орфиковъ были молитвы за умершихъ, и допускаетъ, что отъ орфиковъ обычай молиться за умершихъ заимствовали христіане. У евреевъ, по его мнѣнію, молитвъ за умершихъ не было. Даже призывъ

¹⁾ E. Harrison—op. cit. p. 589—600, а также Appendix. S. Reinach—Une formule orphique. op. cit. T. 2, P. Monceaux—op. cit.

Иуды Маккавея къ молитвѣ о томъ, чтобы изгладился грѣхъ умершихъ (2 Маккав. XII, 42), Рейнахъ толкуетъ въ томъ смыслѣ, что Иуда руководился боязнью, какъ бы за грѣхъ умершихъ не были наказаны живые (согласно принципу, по которому народъ наказывался за грѣхи отдѣльных лицъ). Разсужденіе писателя второй маккавейской книги о томъ, что Иуда молился за умершихъ, помышляя о воскресеніи, Рейнахъ считаетъ личнымъ и тенденціознымъ выводомъ автора. Дату ясно выраженной вѣры въ воскресеніе въ книгѣ Даніила (XII, 2) Рейнахъ возводитъ къ 165 г. до Р. X., но при этомъ утверждаетъ, что тогда явилась лишь идея о воскресеніи мертвыхъ, а мысль о молитвахъ за мертвыхъ по закону послѣдовательности должна была явиться позже. Онъ и думаетъ, что послѣдняя мысль явилась у евреевъ лишь въ I в. до Р. X. подъ иноземными вліяніями въ Египтѣ. Но на самомъ дѣлѣ изъ всего матеріала собраннаго Рейнахомъ въ двухъ статьяхъ по этому вопросу¹⁾ слѣдуютъ два вывода: 1) у орфиковъ не найдено молитвъ за умершихъ, 2) молитвы за умершихъ были у евреевъ. Объ этомъ кромѣ книги маккавейской свидѣтельствуетъ разсказъ о раввинѣ Акибѣ научившемъ дѣтей одного покойнаго молиться за него, вслѣдствіе чего покойникъ и избавился отъ загробныхъ мученій. У христіанъ молитвы за умершихъ относятся къ очень раннему времени, о чемъ свидѣтельствуетъ уже знаменитая аверкіева надпись²⁾, несомнѣнно восходящая ко II в. Но при такихъ данныхъ какъ же на самомъ дѣлѣ можно трактовать о вліяніи орфизма на христіанскія поминовенія? Но Рейнахъ, сосредоточивая свое вниманіе на томъ, что у язычниковъ выступаютъ молитвы къ умершимъ, а у христіанъ—молитвы за умершихъ, совершенно напрасно упускаетъ изъ виду, что у язычниковъ всегда и вездѣ существовало убѣжденіе, что живые могутъ и должны помогать умершимъ. Жертва Одиссея въ аду въ нѣкоторой мѣрѣ дала жизнь тѣнямъ усопшихъ. Умершій и непогребенный Эльпеноръ упрашиваетъ Одиссея, чтобы было погребено его тѣло. Въ погре-

¹⁾ S. Reinach—1) *Λύσις προύβρων ἐθελίστων* и 2) *L'origine des prières pour les morts.* op. cit. T. I.

²⁾ См. Православная Богословская энциклопедія изд. А. П. Лопухиннымъ. Т. I. Аверкіева эпитафія. стр. 137—143.

беніи и жертвахъ нуждаются усопшіе. Живые могутъ улучшить участь усопшихъ. Ходатайство живыхъ предъ богами за умершихъ повидимому является естественнымъ средствомъ служащимъ дѣлу этого улучшения. Но имѣющее у насъ прямое свидѣтельство существованія такихъ ходатайствъ (у египтянъ, Діодоръ сицилійск. I, 91) восходитъ всего лишь къ половинѣ I-го вѣка до Р. X., т. е. къ такой эпохѣ, когда и по мнѣнію Рейнаха, молитва за умершихъ допускалась уже у евреевъ. Изученіе отношеній живыхъ къ умершимъ въ языческомъ мірѣ вызываетъ не то впечатлѣніе, что умершіе не нуждаются въ живыхъ, а то, что живые были не высокаго мнѣнія о своихъ ходатайствахъ предъ богами за умершихъ. Живые возлагали въ этомъ дѣлѣ существенныя надежды на выполненіе религіозныхъ предписаній относительно умершихъ. Ихъ надежды имѣли для себя основы мистическія и магическія. Въ орфическихъ золотыхъ пластинкахъ съ надписями, находимыхъ въ гробахъ, нужно полагать, предполагалась магическая сила. Онѣ должны были играть роль талисмановъ. Во всякомъ случаѣ заботы орфиковъ о приготовленіи себя къ загробному міру и о томъ, какъ вести себя въ этомъ мірѣ, показываютъ, что они признавали тѣсную связь между живыми и умершими и, утверждая солидарность мертвыхъ и живыхъ, тѣмъ самымъ признавали, что въ отношеніяхъ міра земного и загробнаго долженъ осуществляться принципъ взаимопомощи.

Исторія религій показываетъ намъ, что разъ въ религіи создается сравнительно возвышенное направленіе, то обыкновенно рядомъ съ нимъ является пародирующее его шарлатанство. Рядомъ съ святымъ обыкновенно становится мошеникъ выдающій себя за святого. Задача святого—принести благо другимъ, задача притворяющагося святымъ—получать блага отъ другихъ. Такъ подъ знаменемъ возвышеннаго ученія о тао въ Китаѣ жрецы таоисты продавали напитки юности, безсмертія, талисманы отъ бѣдъ. Такъ браманизмъ знаетъ многихъ шраманасъ (śhrāmana—аскетъ, давшій обѣтъ) эксплуатировавшихъ народъ. Такъ буддійскія правительства принуждены были издавать законы преслѣдующіе лицъ выдававшихъ себя за аргатовъ (ārhant—святой). Такъ и въ орфизмѣ уже со времени Платона выступаютъ орфеотелесты—посвященные въ мистеріи, безсовѣстнымъ образомъ

эксплоатировавшіе легковѣріе народа. Въ „республикѣ“ Платона о нихъ сообщается: „предсказыватели показывают многія книги Орфея и Музея и по этимъ книгамъ совершаютъ свои священные обряды; при этомъ они увѣряютъ не только отдѣльныхъ людей, но и цѣлыя общества, что посредствомъ такихъ жертвоприношеній и игръ какъ живущіе, такъ и умершіе получаютъ будто бы разрѣшеніе и очищеніе отъ грѣховъ; и это они называютъ посвященіемъ, которое должно избавить насъ отъ загробныхъ мученій; напротивъ, людей не совершающихъ этихъ жертвоприношеній, ожидаютъ тамъ по ихъ словамъ всякіе ужасы“. Блаженство посвященныхъ представляется у Платона такъ. Музей и его сынъ „ведутъ посвященныхъ въ преисподнюю, готовятъ для нихъ возлежанія и пиршества и, увѣнчавши ихъ цвѣтами, заставляютъ ихъ все время проводить въ пьянствѣ, думая, что такое вѣчное пьянство является лучшею наградою за добродѣтель“. Но орфеотелесты даже и не думали дѣло спасенія обусловливать добродѣтельно. Они искали у своихъ кліентовъ платы, а не добродѣтели. Орфеотелестъ появлялся на улицахъ города, ведя осла, на котораго были навьючены связка орфическихъ книгъ и сакраментальная утварь для совершенія священнодѣйствій. Простецы устремлялись къ ослу и его хозяину и послѣдній за различную мзду путемъ совершенія религиозныхъ манипуляцій отпускалъ имъ грѣхи и избавлялъ отъ бѣдъ. Пріобрѣтшіе себѣ репутацію очистителей и прорицателей не имѣли нужды странствовать по городамъ, они сидѣли дома, и простецы шли къ нимъ сами. У Теофраста (*Χαρακτήρες*, 16) рассказывается объ одномъ отцѣ семейства, который ежемѣсячно съ женою и дѣтьми ходилъ за наставленіями къ орфеотелесту ¹⁾. Въ концѣ концовъ орфеотелесты, какъ и другіе шарлатаны конечно обманывали тѣхъ, которые желали быть обманутыми. Орфизмъ по самой своей терминологіи требовалъ отъ своихъ адептовъ святости. Но святость, какъ состояніе духовной чистоты, можетъ быть достигаема лишь путемъ великихъ усилій и подвиговъ. Гораздо легче, чѣмъ святость, предлагать богамъ рѣчи о святости, заклинательныя фор-

1) P. Monceaux—op. cit. A. M. Мпронова—Картины загробной жизни вл. греческой живописи на вазахъ. стр. 63—65.

мулы, вещественныя приношенія. Орфеотелесты и были людьми учившими этому дешевому способу спасенія.

Но поддѣльные камни никогда не должны унижать въ нашихъ глазахъ камней подлинныхъ. Поддѣлываются лишь подъ то, что цѣнно. „Лицемѣрие, говорилъ Вольтеръ, есть дань, которую пороку платить добродѣтели“. И орфеотелесты въ нашихъ глазахъ не набрасываютъ тѣни на орфизмъ, напротивъ, они естественно подсказываютъ мысль, что, значить, въ орфизмѣ было нѣчто хорошее, если поддѣлываться подъ орфиковъ находили выгоднымъ люди дурные. Орфизмъ несомнѣнно былъ порожденъ благородными свойствами греческаго духа и за долгій періодъ своего существованія долженъ былъ оказать облагороживающее вліяніе на нравы. Во многихъ отношеніяхъ орфизмъ еще не выясненъ и его опредѣляютъ и характеризуютъ различно. Гобле д' Альвиелла говоритъ, что орфизмъ скорѣе методъ, чѣмъ ученіе. „Это—не столько опытъ основать философію или религію, сколько попытка согласить преданія мѣовъ съ требованіями наличной культуры и попытка употребить на пользу философскихъ школъ содержаніе религіознаго чувства“¹⁾. Въ этомъ опредѣленіи Гобле уже содержится признаніе, что орфизмъ есть нѣчто большее, чѣмъ методъ. Но на самомъ дѣлѣ во имя метода люди не объединяются въ союзы. Союзы не составляются даже во имя идей, они организуются всегда для практическихъ цѣлей опредѣляемыхъ идеями. Роде видитъ въ орфизмѣ ученіе, центральнымъ пунктомъ котораго является доктрина о безсмертной душѣ, которая должна освободиться отъ человѣческаго тѣла для того, чтобы приобщиться къ божественной жизни²⁾. Гаррисонъ опредѣляетъ орфизмъ, какъ религію экстаза и любви, религію Вакха и Эроса. На практикѣ это — главнымъ образомъ религія Вакха (=Діониса), въ мистической догмѣ—религія Эроса. Орфизмъ почиталъ жизнь, его боги скорѣе силы, чѣмъ личности. Почитая жизнь во всѣхъ проявленіяхъ, орфизмъ особенно почиталъ ее въ проявленіяхъ высшихъ, а таковы — экстазъ и любовь³⁾. Но это опредѣленіе орфизма можно прилагать

1) Coblet d' Alviella—De quelques problèmes relatifs aux mystères d' Eleusis. Troisième partie. Rev. de l' Hist. des. Relig. 1903. № 4 p. 6.

2) E. Rohde—op. cit. Die Orphiker. S. 103—136.

3) E. Harrison—op. cit. Chapt. IX—XII, особенно p. 658—659.

только къ культу Діониса, а не ко всему ученію орфіковъ и далеко не ко всей ихъ жизни. Оставляя въ сторонѣ задачу охарактеризовать орфізмъ въ немногихъ словахъ и обращаясь къ памятникамъ, излагающимъ воззрѣнія орфіковъ и говорящимъ объ ихъ жизни, мы должны установить, что орфізмъ заключалъ въ себѣ нѣсколько возвышенныхъ идей и цѣнныхъ практическихъ началъ, которыя могли дѣйствовать благотворно подготовительнымъ образомъ для распространенія и усвоенія христіанства. Учители и отцы церкви не колебались называть Орфея предшественникомъ Христа, и катакомбная живопись пользовалась образомъ Орфея, какъ символомъ добраго пастыря. Въ орфізмѣ мы находимъ вѣру въ существованіе высшихъ принциповъ. Божества здѣсь истолковываются идеально. Высшій міръ, по орфізму, есть міръ правды, а высшій міръ Гомера и Гезіода это—тотъ же человѣческой міръ разсматриваемый въ сильно увеличивающей аппаратъ. А какъ такой же міръ, онъ представляетъ собою сочетаніе добра и зла. Высшій міръ у орфіковъ есть одно добро. Эта глубоко-плодотворная идея, что есть міръ чистаго добра, должна была являться могучимъ рычагомъ для поднятія нравственной энергіи въ человѣкѣ. Но при выясненіи этой идеи человѣкъ долженъ былъ неизбежно выяснитъ себѣ другую истину. Человѣкъ, равно какъ и міръ, въ которомъ онъ живетъ, а человѣкъ по отношенію къ этому міру или космосу является микрокосмосомъ, представляетъ собою смѣшеніе добра и зла. Миѣ о происхожденіи людей изъ праха титановъ растерзавшихъ Загрея получилъ глубокий этической смыслъ. Человѣкъ по природѣ и добръ и золь. Пересоздать свою природу одними собственными силами человѣкъ не можетъ. Человѣку необходима божественная помощь. Она идетъ на встрѣчу добрымъ начинаніямъ и стремленіямъ человѣка. Міръ желающій добра будетъ претворенъ въ добро. Тоска объ утерянномъ золотомъ вѣкѣ, когда не было страха у созданій и ни одно существо не мѣшало наслаждаться жизнью и счастьемъ другому существу, тоска о томъ, что нѣтъ болѣе музыки Орфея дѣлавшей то, что ягненокъ и левъ лежали вмѣстѣ, тоска обо всемъ этомъ смѣнялась у орфіковъ надеждою, что все это еще наступитъ. Идеализація прошедшаго принимала характеръ мечты о будущемъ. Это мы и видимъ въ IV' эклогѣ Виргилія. Поэтъ

учить не о прошедшемъ, онъ предсказываетъ наступленіе въ будущемъ царства счастья, мира и богатства. *Nec magnos metuent armenta leones*. Львы не будутъ страшны для скота въ будущемъ вѣкѣ. Преступленіе (*scelus*) не будетъ существовать. Рейнахъ полагаетъ, что тотъ младенецъ, о которомъ говоритъ Виргилій, младенецъ, который будетъ царствовать и при которомъ наступитъ золотой вѣкъ, этотъ младенецъ не сынъ Августа, не сынъ Полліона, это—новый Діонисъ. Діонисъ страдалъ, умеръ, воскресъ. Но все это имѣло мѣсто въ періодъ, который приходитъ къ концу. Существуетъ *ἀνακίχλωσις* и должно произойти *ἀλοκαίετασις ἀπάντων*. Виргилій привѣтствуетъ зарю новаго вѣка, новую епифанію Діониса ¹⁾. Мы уже говорили, что идея цикличности ведетъ къ пессимистическимъ выводамъ и во всякомъ случаѣ оставляетъ мало мѣста для радостныхъ привѣтствій. Но у Виргилія несомнѣнно и нѣтъ этой идеи. Онъ выходилъ изъ начала прогресса, а не изъ принципа круговращенія. Уже въ первой пѣсни эннеиды Виргилій развиваетъ теорію вѣчности Рима, и Юпитеръ говоритъ у него о себѣ по отношенію къ римлянамъ, что онъ „царство имъ далъ безъ конца“. Въ этомъ царствѣ, оказывается, „железомъ затворовъ запрутся грозныя двери войны“. Этотъ новый вѣкъ мира будетъ вѣчнымъ. Мы безусловно отрицаемъ, чтобы четвертая эклога была навѣяна орфическими представленіями о Діонисѣ. Мысль, что Діонисъ долженъ еще родиться снова, т. е. что должно произойти нѣчто аналогичное аватарѣ Вишну или новому воплощенію Будды, эта мысль чужда орфизму. Но тѣ краски, которыми Виргилій рисуетъ будущій вѣкъ, отвѣчаютъ идеаламъ орфизма. Орфизмъ не зналъ мессіи. Орфической литературѣ чужда мессіанская идея. Но вся система орфизма, его вѣрованія, принципы и чаянія должны были создать почву въ высшей степени подготовленную для воспріятія этой идеи.

С. Глаголевъ.

---

¹⁾ S. Reinach—*L'Orphisme dans la IV-e églogue de Virgile*. op. cit. T. 2.